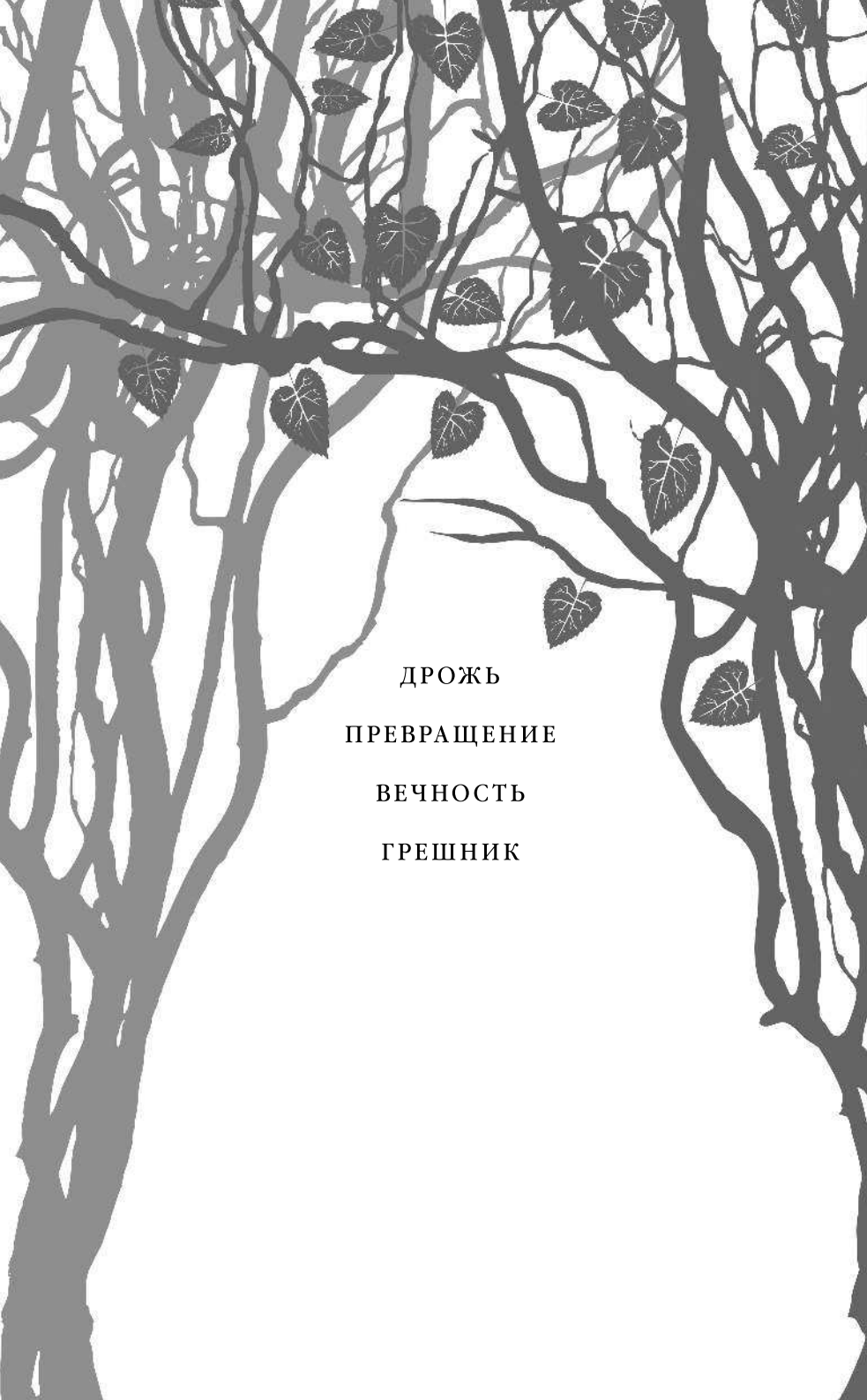

ПРЕВРАЩЕНИЕ

ДРОЖЬ
ПРЕВРАЩЕНИЕ
ВЕЧНОСТЬ
ГРЕШНИК

МЭГГИ
СТИВОТЕР

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Maggie Stiefvater

LINGER

Copyright © 2010 by Maggie Stiefvater.

Cover design & art © 2014 by Christopher Stengel

All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc., 557
Broadway, New York, NY 10012, USA

Стивотер, Мэгги.

С80 Превращение / Мэгги Стивотер ; [пер. с англ. Е. Ефимовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с. — (Young Adult. Бестселлер Мэгги Стивотер).

ISBN 978-5-04-098561-6

От автора культового цикла «Воронята»!

Страсть

Грейс и Сэм обрели друг друга, но за любовь им придется сражаться. Для Сэма это означает принять свое прошлое. Для Грейс — встретиться лицом к лицу с будущим, которое день ото дня становится все более пугающим.

Утрата

В сонный городок Мерси-Фоллз врывается парень по имени Коул, у которого слишком много мрачных тайн. Не имея возможности справиться с терзающими его кошмарами, Коул мечтает потерять себя, оставшись навсегда волком.

Превращение

Для Грейс, Сэма и Коула жизнь превратилась в бесконечную борьбу волка, живущего в каждом из них, и человека. Мир каждого из них разбивается вдребезги, и только лишь любовь помогает выжить. Но хватит ли ее одной?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-098561-6

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается Тесс,
с благодарностью за мудрые советы,
но главным образом за все остальное*

Пролог • Грейс

Эта история о юноше, который в прошлом был волком, и о девушке, которая еще только становилась волчицей.

Всего несколько месяцев назад Сэм был существом из легенд, страдал от неизлечимого недуга. Он сам был последней и самой важной главой сказки. Его тело было странным, загадочным, удивительным и пугающим — одним словом, непостижимым.

А теперь пришла весна. Очень скоро под воздействием тепла оставшиеся волки лишатся своих звериных шкур и снова обретут человеческие тела. Сэм остается Сэмом, а Коул остается Коулом, и лишь я боюсь потерять человеческий облик.

В прошлом году именно этого мне и хотелось. Тогда я по многим причинам желала стать членом стаи, обитавшей в лесу рядом с моим домом. Раньше я наблюдала за волками и ждала, что один из них придет ко мне, но сейчас именно волки следят за мной и ждут, что я присоединюсь к ним.

У этих зверей человеческие глаза, они напоминают мне о воде: о чистой синей воде, в которой отражается весеннее небо, о коричневом, вобравшем в себя дождевую воду ручейке, о зеленой глади зарастающего водорослями летнего озера, о серой, сдавленной льдом реке. Когда-то только желтые глаза Сэма наблюдали за мной из-за мокрых от дождя берез, но теперь я ощущаю на себе взгляды всей стаи; в этих взглядах сквозит понимание и недоговоренность.

После того как я узнала секрет стаи, волки стали для меня чужаками — прекрасными, очаровательными и все равно незнакомцами. За каждой парой глаз скрывается прошлое какого-то человека; хорошо узнать я успела только Сэма, и именно он сейчас рядом со мной. Я хочу, чтобы он всегда держал меня за руку, всегда прижимался щекой к моей шее.

Но мое тело меня предает, отныне я сама становлюсь непонятной и непознанной.

Эта история о любви. Никогда не думала, что у любви так много лиц, каждое из которых может подвигнуть человека на неожиданные поступки.

Никогда не думала, что есть множество способов попроситься.

Глава 1 • Сэм

Городок Мерси-Фоллз, что в штате Миннесота, предстает в совершенно ином свете, если знаешь, что до конца жизни останешься человеком. Раньше это место существовало для меня исключительно как летний зной, бетонные тротуары, запах нагретого асфальта и автомобильных выхлопов.

Теперь весна обрядила древесные ветви в нежно-розовые цветочные рюши, и я чувствовал себя здесь как дома.

Лишившись волчьей шкуры, я несколько месяцев пытался научиться жить жизнью обычного парня. Устроился на свою старую работу в магазине «Древняя полка» и блаженствовал в окружении новых слов и шорохе переворачиваемых страниц. Внедорожник, доставшийся мне от Бека, полный его запаха и воспоминаний о моей жизни с волками, я обменял на «Фольксваген Гольф», в который помещались мы с Грейс и моя гитара. Я старался не вздрагивать, когда в открытую дверь магазина влетал порыв холодно-

го ветра, пытался не забывать, что я больше не один. По ночам я прокрадывался в комнату Грейс, обнимал ее и вдыхал аромат своей новой жизни, а наши сердца бились в унисон.

Если моя душа и тосковала при звуках протяжного волчьего воя, я вспоминал о своей новой, обычной жизни, и эти мысли облегчали мою боль, подобно целебному бальзаму.

Я предвкушал, как вместе с любимой девушкой буду год за годом встречать Рождество — еще недавно я и мечтать не мог о возможности состариться в своей новой, человеческой шкуре. Теперь у меня было все, что только можно пожелать.

*Глазам своим едва ли верю,
Открылись мне будущего двери.*

Я начал брать с собой в магазин гитару. Посетителей было мало, и никто не мешал мне играть и напевать в тишине среди книг. Маленький ежедневник, подарок Грейс, постепенно заполнялся словами. Каждая новая страница с проставленной вверху датой знаменовала маленькую победу над отступающей зимой.

Сегодняшний день начался как обычно: лужи на тротуарах, ни одного покупателя. Вскоре после того как я открыл магазин, хлопнула входная дверь. Неужто посетитель? Я прислонил гитару к стене рядом со своим табуретом и поднял глаза.

— Привет, Сэм, — сказала Изабель.

Странно было видеть ее одну, без Грейс, и вдвойне удивительным казалось ее появление здесь, в магазине, в моей уютной книжной норе. После потери ее

брата прошлой зимой голос Изабель сделался резче, а взгляд острее, чем когда мы с ней только познакомились. Под ее пронизательным взглядом я чувствовал себя наивным ребенком.

— Что нового? — поинтересовалась Изабель. Она уселась на соседнюю табуретку и вытянула длинные ноги, скрестив их в лодыжках. Грейс поджала бы ноги под табурет. Изабель заметила мой бумажный стакан с чаем, взяла его и сделала глоток, потом тяжело вздохнула.

Я с сожалением поглядел на отобранный у меня чай.

— Да ничего особенного. У тебя новая прическа?

Идеальные пепельные локоны Изабель исчезли, сменившись дерзкой короткой стрижкой — теперь девушка выглядела еще более прекрасной и в то же время ранимой.

Изабель выгнула бровь.

— Никогда бы не подумала, что ты сделаешься Капитаном Очевидность, Сэм.

— Я им и не делался, — вздохнул я и придвинул к ней стакан с чаем, к которому так и не успел прийтись. Допивать после того, как Изабель отпила, не хотелось — слишком многозначительно. — Если бы я хотел поговорить об очевидном, то спросил бы: «Эй, разве ты не должна сейчас быть в школе?»

— Туше, — усмехнулась Изабель, беря мой стакан, как будто так и надо, потом элегантно движением облокотилась о колени. Я сгорбился на своем табурете, как заправский стервятник. Настенные часы бодро отсчитывали секунды. В небе набрякли белые облака, давая понять, что зима сдает позиции неохотно. Я на-

блюдал, как снаружи за стеклом витрины пролетает дождевая капля и падает на тротуар. Мысли перебежали с моей потрепанной гитары на лежавший рядом томик стихов Мандельштама («Дано мне тело — что мне делать с ним, таким единым и таким моим?»). Наконец я наклонился и нажал кнопку на спрятанном под прилавок музыкальном центре — из динамиков под потолком снова заиграла привычная музыка.

— Я видела волков рядом со своим домом, — проговорила Изабель и покачала стаканом, взболтав остатки чая. — На вкус трава травой.

— Ну, ты же выпила, — заметил я. Мне было ужасно жаль чая: горячая жидкость дарила мне ощущение безопасности даже в холодную погоду. Хотя я и знал, что больше не нуждаюсь в этой защите, все равно чувствовал себя увереннее, держа в руках горячий напиток. — Насколько близко они подошли к дому?

Девушка пожала плечами:

— С третьего этажа я увидела, как они мелькали между деревьями. У них явно начисто отсутствует чувство самосохранения, не то они держались бы подальше от моего отца. Он-то никакой любви к волкам не питает. — Взгляд ее остановился на рваном шраме у меня на шее.

— Я помню, — ответил я. Строго говоря, у Изабель тоже не было причин любить волков. — Если, превратившись в человека, кто-то из них встретится на твоём пути, дай мне знать, ладно? До того как позволишь своему отцу набить из них чучела и поставить у себя в фойе? — Дабы смягчить эффект, я произнес слова «фойе» на французский манер: «фуайе».

Изабель пронзила меня таким испепеляющим взглядом, что другой на моем месте непременно окаменел бы.

— Раз уж речь зашла о «фуайе», — протянула она. — Ты теперь живешь один в том большом доме?

Я не жил в доме Бека. В глубине души я понимал, что должен занять место приемного отца и встречать там прибывающих членов стаи по мере их превращения в людей по весне; также следовало приглядеть за четырьмя новыми волками, которые, вероятно, уже вот-вот превратятся... вот только мне претила мысль о том, чтобы войти в тот дом, заранее зная, что я не увижу там Бека.

Все равно это место перестало быть моим домом, потому что теперь мой дом был там, где Грейс.

— Да, — ответил я.

— Лжец. — Она тонко улыбнулась. — Грейс и то врет лучше тебя. Покажи, где тут у вас книги по медицине. И не смотри так удивленно — я зашла сюда с конкретной целью.

— Ни секунды в этом не сомневался, — пробормотал я и указал в угол. — Просто я лишь сейчас установил, что это за цель.

Изабель соскользнула со стула и зашагала в указанном направлении.

— Я здесь потому, что порой одной Википедии недостаточно.

— Если собрать все вопросы, ответов на которые не найдешь в Интернете, получится толстенная книга, — сказал я. Теперь, когда Изабель встала, я снова мог дышать. Взяв первую подвернувшуюся под руку

копию какого-то счета, я сложил ее пополам и стал делать бумажного журавлика.

— Кому, как не тебе, знать об этом, — обронила Изабель. — Это же ты у нас еще совсем недавно был плодом человеческой фантазии.

Я состроил рожу, не поднимая глаз от журавлика. На одном крыле птички темнел черно-белый штрихкод счета, отчего второе крыло казалось длиннее. Я взял ручку и уже хотел нарисовать полосы на чистом крыле, но в последний момент передумал.

— И что именно ты ищешь? Серьезных книг по медицине у нас мало. В основном самолечение «для чайников» и книжки по нетрадиционной медицине.

Изабель присела на корточки перед стеллажом и протянула:

— Не знаю. Когда увижу нужную книгу — скажу. Как там она называлась? Такой толстенный кирпич. Там еще описывается все, что может случиться плохого с человеком?

— «Кандид»¹, — пошутил я. Увы, моя шутка осталась непонятой, поэтому, помолчав, я предположил: — Справочник Мерка?

— В точку.

— У нас его нет в наличии, но я могу заказать. — Чтобы определить это, мне не требовалось сверяться с каталогом. — Новое издание встанет в копеечку, но я могу подыскать тебе подержанную копию. На наше счастье, болезни год от года остаются прежними. — Я прикрепил к спине журавлика нитку, забрался на

¹ Имеется в виду повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм». (прим. перевод.)

прилавок, намереваясь подвесить бумажную птичку под потолком. — Довольно мрачная перспектива, если, конечно, ты не собираешься стать врачом, верно?

— Я рассматривала такую возможность, — сказала Изабель. Произнесено это было очень суровым тоном, и я сообразил, что она мне доверилась, лишь после того, как звякнул дверной звонок, оповещающая о приходе нового покупателя.

— Одну секундочку! — Я привстал на цыпочки и набросил петлю на висящую над прилавком лампы. — Дайте знать, если вам потребуется помощь.

Спустя еще один удар сердца я осознал, что Изабель молчит, и тишина вдруг показалась мне оглушительным криком. В нерешительности я опустил поднятые руки.

— Не отвлекайтесь на меня, — проговорил вошедший очень ровным и чрезвычайно профессиональным тоном. — Я подожду.

Что-то в его голосе напрочь отбило у меня охоту ребячиться, поэтому я повернулся: перед прилавком стоял полицейский и пристально меня рассматривал. С высоты прилавка я отлично рассмотрел, что на поясе у него висят пистолет, рация, газовый баллончик, наручники и мобильный телефон.

Если у вас есть тайны, даже если они не связаны ни с чем противозаконным, один вид пробравшегося к вам на работу полицейского оказывает на психику ужасающее воздействие.

Стараясь двигаться медленно, я слез с прилавка и пробормотал, слабым взмахом руки указывая на журавлика: